

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 94 (470 + 571)

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-58-65>

Украинизация в Азово-Черноморском регионе в 1920-х – начале 1930-х гг.: мотивы, факторы, результаты

Н.В. Шишова ✉, В.А. Бондарев, А.Н. Усенко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ nshishova@donstu.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена рассмотрению украинизации – политической кампании, осуществлявшейся в 1923–1932 гг. в отдельных районах Советской России, где находились общины выходцев с Украины. В том числе украинизация достигла широких масштабов в Азово-Черноморском регионе, в особенности на Дону, Кубани и Ставрополье. Актуальность данной темы обусловлена не только недостаточным освещением ряда ее аспектов в научной литературе, но и разворачивающимися в современном мире судьбоносными событиями, неслучайным условием осмысления и прогнозирования которых является обращение к историческим прецедентам и параллелям. Цель статьи – выявить характеристики и особенности украинизации в Азово-Черноморье, отношение к ней населения, причины её свертывания.

Материалы и методы. Публикация основана на архивных и опубликованных документах, а также материалах статистики. Ведущие методы исследования: хронологический, историко-генетический, метод синхронизации.

Результаты исследования. Украинизация представляла собой попытку нациестроительства в полиэтническом регионе и преследовала цель упрочения советской власти в Азово-Черноморье. Некоторая часть населения Азово-Черноморья украинизацию поддержала, но основная масса жителей выступила против этой политики, правомерно воспринимая её как комплекс дискриминационных мер, ущемлявших интересы носителей русского языка. К началу 1930-х гг. большевики осознали конфликтогенный характер украинизации, которая порождала межнациональную напряженность и провоцировала рост национализма, шовинизма и сепаратизма. В декабре 1932 г. эта политическая кампания в Азово-Черноморье была свернута, ее результаты ликвидированы, активные сторонники и реализаторы – репрессированы.

Обсуждение и заключение. Украинизация как политическая кампания 1923–1932 гг. развернулась в отдельных районах Советской России, достигнув широких масштабов в Азово-Черноморском регионе, на Дону, Кубани и Ставрополье. Выявлены характеристики и особенности украинизации в Азово-Черноморье, отношение к ней населения, причины под влиянием которых она была прекращена. Подчеркнута значимость исследования данных вопросов в современных условиях.

Ключевые слова: Азово-Черноморский регион, большевики, казачество, коренизация, коллективизация, Северо-Кавказский край, Украина, украинизация

Для цитирования. Шишова Н.В., Бондарев В.А., Усенко А.Н. Украинизация в Азово-Черноморском регионе в 1920-х – начале 1930-х гг.: мотивы, факторы, результаты. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2024;10(1):58–65. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-58-65>

Ukrainianisation in the Azov-Black Sea Region in the 1920s – early 1930s: Motives, Factors, Results

Natalya V. Shihova ✉, Vitaly A. Bondarev, Aleksandr N. Usenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ nshishova@donstu.ru

Abstract

Introduction. The article deals with the Ukrainianisation, a political campaign carried out in 1923–1932 in certain areas of Soviet Russia where communities of Ukrainian natives lived. In particular, Ukrainianisation reached a wide scale in the Azov-Black Sea region, especially in the Don, Kuban and Stavropol regions. The relevance of this topic is conditioned not only by the insufficient coverage of a number of its aspects in the scientific literature, but also by the unfolding of momentous events in the modern world, an indispensable condition for understanding and predicting which is an appeal to historical precedents and parallels. The aim of the article is to identify the characteristics and features of Ukrainianisation in the Azov-Black Sea region, the attitude of the population to it, and the reasons for its collapse.

Materials and methods. The publication is based on archival and published documents, as well as statistical materials. Leading research methods: chronological, historical-genetic, synchronisation method.

Results. Ukrainianisation was an attempt at nation-building in a multi-ethnic region and was aimed at consolidating Soviet power in the Azov-Black Sea region. Some part of the Azov-Black Sea population supported Ukrainianisation, but the bulk of the population opposed this policy, rightly perceiving it as a set of discriminatory measures that infringed on the interests of speakers of the Russian language. By the early 1930s, the Bolsheviks realised the conflictogenic nature of Ukrainianisation, which generated inter-ethnic tensions and provoked the growth of nationalism, chauvinism and separatism. In December 1932, this political campaign in the Azov-Black Sea region was curtailed, its results were liquidated, and its active supporters and implementers were repressed.

Discussion and Conclusion. Ukrainianisation as a political campaign of 1923–1932 unfolded in some areas of Soviet Russia, reaching a wide scale in the Azov-Black Sea region, the Don, Kuban and Stavropol. The characteristics and features of Ukrainianisation in the Azov-Black Sea region, the attitude of the population to it, the reasons under the influence of which it was stopped are revealed. The article emphasised the significance of the study of these issues in modern conditions.

Keywords: Azov-Black Sea region, Bolsheviks, Cossacks, indigenization, collectivisation, North Caucasus region, Ukraine, Ukrainianisation

For citation. Shihova N.V., Bondarev V.A., Usenko A.N. Ukrainianisation in the Azov-Black Sea region in the 1920s – early 1930s: motives, factors, results. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2024;10(1):58–65. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2024-10-1-58-65>

Введение. В 1920-х г. – начале 1930-х гг. в Советском Союзе проводилась политика коренизации, выражавшаяся в демонстративном внимании компартии к интересам и потребностям национальных меньшинств. В соответствии с коренизацией в районах компактного проживания национальных общин штаты местной администрации заполнялись, в первую очередь, за счет представителей этих общин, делопроизводство и преподавание в школах переводилось с русского языка на национальный, предпринимались усилия для развития национальной культуры и т. п. Одним из региональных вариантов коренизации была украинизация, проводившаяся не только на территории собственно Украины, но также в районах Советской России, где находились сообщества украинцев. В том числе украинизация развернулась и в Азово-Черноморском регионе – на Дону, Кубани, Ставрополье. В РСФСР украинизация проводилась вплоть до 1932 г., пока не была признана ошибочной; после этого данная политика была свернута, а ряд её активных проводников и сторонников подвергся репрессиям.

Судьба украинизации предопределила ее освещение в научной литературе. В советской историографии данная политическая кампания не рассматривалась, и ситуация изменилась лишь в постсоветский период. В настоящее время можно назвать целый ряд работ по этой теме. Рекомендуем читателю размещенную в открытом доступе публикацию А.В. Баранова, где представлен подробный обзор историографии по рассматриваемой нами проблеме [1, с. 38–41]. Тем не менее ныне научно-теоретическая и особенно практическая актуальность проблематики украинизации не снизилась. Напротив, разворачивающиеся сегодня на наших глазах судьбоносные события предельно актуализируют изучение отмеченной проблемы, ибо обращение к урокам истории позволяет не только понять причины происходящего на территории Украины, но и разработать методики предотвращения подобных кризисов.

В этой связи в представленной публикации нами предпринята попытка рассмотреть процесс украинизации в Азово-Черноморском регионе. В публикации мы поставили перед собой задачи – указать мотивы развертывания украинизации в Азово-Черноморье, установить корректировавшие ее факторы и выявить причины, под влиянием которых она была прекращена.

Материалы и методы. Объектом настоящего исследования выступает национальная политика большевиков в 1920-х – начале 1930-х гг. Предмет исследования – украинизация как политическая кампания, проводившаяся

в Азово-Черноморье в 1923–1932 гг. Исследование проведено на материалах Дона, Кубани и Ставрополя, поскольку именно в данных регионах в 1920-х – начале 1930-х гг. разворачивалась украинизация. В указанный период времени эти территории Азово-Черноморья неоднократно меняли административную принадлежность. В начале 1920-х гг. они были административно оформлены как Кубано-Черноморская и Донская области, Ставропольская и Терская губернии. В феврале 1924 г. отмеченные территориальные единицы вошли в состав новообразованного Юго-Востока. В октябре того же года Дон, Кубань, Ставрополь оказались в составе новой административно-территориальной единицы – Северо-Кавказского края, просуществовавшего в установленных границах до января 1934 г.

Источниковой базой работы выступают архивные и опубликованные документы, а также статистические материалы. Значительный массив информации об украинизации в Азово-Черноморье содержится в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), Государственном архиве новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК), Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Центре хранения архивных документов (ЦХАД) г. Шахты Ростовской области. В частности, хранящиеся в ГАРО (ф. р 1185) и ЦХАД г. Шахты (ф. р-754) документы Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК-РКИ) предоставляют массу сведений о мероприятиях властей в связи с проведением украинизации, о сложностях, возникавших в ходе осуществления данной кампании и об отношении к ней населения. Документация Северо-Кавказского краевого комитета Коммунистической партии (ЦДНИРО, ф. 7) и материалы Полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, изученные нами в Государственном архиве Ставропольского края (ф. 1), позволяют проследить смену отношения властей к украинизации и выявить факторы, приведшие к её свертыванию. Материалы статистики позволяют установить региональные особенности украинизации в Азово-Черноморье. Так, порайонные итоги учета численности казаков в Северо-Кавказском крае, проведенного в ходе первой Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г., дают представление о количественных параметрах и размещении кубанского и донского казачьих сообществ. Итоги переписи казачества Северо-Кавказского края немаловажны для понимания того, почему украинизация с гораздо большей активностью проводилась на Кубани, а не на Дону.

Ведущими методами исследования выступили хронологический и историко-генетический, а также метод синхронизации. Отмеченные методы исторического познания позволяют проследить тенденции и особенности осуществления украинизации в Азово-Черноморье, установить динамику отношения к ней населения и представителей власти, выявить факторы ее свертывания.

Результаты исследования. Мотивы, которыми большевистские лидеры руководствовались при проведении украинизации в Азово-Черноморье (равно как и в других подобных регионах Советской России), были довольно разнообразны. Следует выделить не только внутри-, но и внешнеполитические расчеты руководства компартии.

Прежде всего Северо-Кавказский край отличался высокой численностью выходцев с Украины, декларировавших украинскую идентичность. По Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Северо-Кавказском крае насчитывалось свыше 3,1 млн украинцев; они составляли здесь вторую по численности группу населения, после русских [2, с. 75, 77]. Наиболее высоким был удельный вес выходцев с Украины на Кубани: так, в Кубанском округе Северо-Кавказского края они составляли 61,5 % населения [3, с. 98]. Украинизация должна была склонить симпатии южно-российских украинцев в сторону большевиков и упрочить здесь позиции советской власти.

Немаловажным мотивом украинизации выступала, как правомерно отмечают Т.П. Хлынина и И.Ю. Васильев, «осознаваемая большевистским руководством слабость собственной социальной базы» [4, с. 966], обусловленная значительной численностью казачества на Юге России. Как и в годы Гражданской войны, в 1920-х гг. лидеры компартии испытывали недоверие к казакам, обоснованно рассматривая таковых как недоброжелателей советской власти, уничтожившей их сословные привилегии. Украинизация расценивалась компартией как средство дальнейшего разрушения казачьей сословности, в первую очередь – на Кубани. Ведь в отличие от донских казаков, кубанские в значительной мере считали себя генетически связанными с Украиной. В частности, в 1926 г. в Кубанском округе Северо-Кавказского края назвали себя украинцами 586,4 тыс. казаков (77,4 % от их численности в округе), в Армавирском округе – 93,7 тыс. (24,6 %) [5, с. 3, 4–5]. Большевики стремились «растворить самосознание кубанских казаков в рамках украинской идентичности» [6, с. 18] и тем самым расширить и укрепить свою социальную опору.

Сыграли свою роль в развертывании украинизации и внешнеполитические факторы. С помощью украинизации компартия стремилась «оторвать советских украинцев от украинской эмиграции, западноукраинских националистов» и, наоборот, привлечь на свою сторону украинских эмигрантов за рубежом [4, с. 965]. Украинизация «затыкала рот украинской политической эмиграции, обвинявшей большевиков в притеснении украинской национальной культуры» и «не давала соседним европейским державам возможности разыграть «украинскую карту», используя недовольство украинского населения» [7, с. 86].

Начало украинизации относят к 1923 г., когда на XII съезде компартии была принята резолюция «По национальному вопросу». Осуждая перекося в национальном строительстве («уклон к национализму» и, с другой стороны, «великорусский шовинизм»), съезд сформулировал задачи коренизации, изложенные выше в нашей публикации. В практической плоскости, как отмечает А.В. Баранов, украинизация в Северо-Кавказском крае началась в конце 1924 г. и постепенно распространилась «по всем округам с преобладанием славянского населения» [1, с. 37]. В основном украинизация охватила 35 районов Северо-Кавказского края [8, с. 65] (из 145, по данным на 1925 г. [9, с. 2–551]).

В рамках украинизации предусматривалось заполнение штатов местной администрации Северо-Кавказского края (в первую очередь сельских и станичных советов) южно-российскими украинцами, перевод делопроизводства на украинский язык, преподавание украинского языка в школах и подготовка соответствующих кадров для школ. Был организован выпуск печатной продукции на украинском языке. Оказывалось содействие развитию украинской культуры на Юге России, что выражалось в поддержке писателей, творивших на украинском, в создании кружков по изучению украинского языка и культуры, и пр.

Представители власти в Северо-Кавказском крае при участии активистов-укаинофилов приложили массу усилий в деле осуществления украинизации и добились на этом поприще заметных результатов. В апреле 1926 г. началось издание «Червоной газеты» – краевой газеты на украинском языке, тираж которой в декабре 1930 г. достиг 38 тыс. экземпляров. Кроме того, в крае издавалось еще 9 районных газет на украинском языке, а к краевой детской газете «Ленинские внучата» была добавлена «украинская страничка». Издавался также журнал «Новым шляхом». В 1931 г. в крае было издано 149 наименований книг на украинском языке общим тиражом до 1 млн экземпляров [8, с. 66].

Активно шел процесс перевода школ на украинский язык. По имеющимся данным, к лету 1932 г. в Северо-Кавказском крае на украинский язык были переведены 1 609 школ 1-й ступени (с охватом 221 453 учеников и 558 учителей) и 259 школ 2-й ступени (42 148 учеников и 1 552 учителя) [1, с. 35]. Учителей для украинизированных школ готовил педагогический техникум в станице Полтавской на Кубани, а в Краснодарском и Таганрогском педтехникумах и Кубанском рабфаке были созданы украинские отделения. Сотрудники расположенного в Краснодаре Украинского научно-исследовательского института занимались разработкой учебно-методических материалов для школ [8, с. 66].

В то же время ряд обстоятельств, таких как нераспорядительность властей, дефицит кадров и т. п., замедлял украинизацию. Важнейшим же препятствием для украинизации являлось отношение к ней населения. Хотя у украинизации имелись сторонники, все же, судя по содержанию источников, отношение к ней подавляющего большинства населения колебалось от настороженно-отчужденного до резко отрицательного. Причем в данном случае практически не было разницы между простыми хлеборобами, педагогами, представителями администрации. Все они в той или иной форме выражали недовольство украинизацией.

Русские, проживавшие в районах украинизации, правомерно расценивали таковую как ущемление своих интересов. Ведь «положительная деятельность в интересах всех нерусских национальностей неизбежно предполагала действия обратного порядка, то есть дискриминацию русских» [10, с. 42]. Украинизация нередко проводилась огульно-бюрократически и в украинизированные школы загонялись ученики, говорившие по-русски. Так, к началу 1930-х гг. в Павловском районе Северо-Кавказского края «все школы, не исключая и русских, были переведены на украинский язык» [11, л. 36]. Преподавание на украинском языке не могло понравиться русским ученикам и их родителям, для которых такие «новшества», и в самом деле, являлись дискриминацией: налицо было нарушение их права учиться на родном языке.

Да и многие из проживавших в Азово-Черноморье выходцев с Украины, хоть и называли себя украинцами, говорили уже на русском. К первым десятилетиям XX в. процесс естественной, объективно обусловленной ассимиляции выходцев с Украины в Азово-Черноморье зашел достаточно далеко. Оказавшись в полиэтническом регионе с доминированием русского языка и культуры, поколениями проживая здесь и адаптируясь к новым культурно-языковым условиям, множество выходцев с Украины начинали считать русский язык родным. В 1926 г. доля таких русскоязычных украинцев в Северо-Кавказском крае достигла 32,35 % [3, с. 98]. Эти люди не испытывали восторга из-за категоричного насаждения украинского языка в школах, в органах власти, в СМИ.

Более того, даже украиноязычное население Азово-Черноморья не приветствовало «навязывание украинского языка как единственного официального». Преподавание в украинизированных школах велось на литературном украинском («галичанском наречии»), тогда как жители Азово-Черноморья общались на «балачке», – смеси русского и украинского [1, с. 37]. Самое же главное – повсеместное насаждение украинского языка в РСФСР затрудняло доступ граждан к социальным лифтам. Современники справедливо рассуждали: «Если учить ребенка на украинском языке, он не поступит в среднюю школу», «не сможет быть в русском обществе, он смешон» [1, с. 36]. Ученик, закончивший школу с преподаванием на украинском, вряд ли мог рассчитывать на поступление в вуз, потому что там учились на русском. Был затруднен в РСФСР и карьерный рост чиновника, говорившего по-украински.

Показателем отрицания украинизации местными жителями являлись не только высказывания, но и отказ от подписки на газеты и журналы, если таковые переходили на украинский язык. Печатные СМИ на украинском «воспринимались как нечто чуждое и массово игнорировались», их тиражи «резко падали»: так, после украинизации тираж издававшейся в Ейском районе газеты «Колхозный путь» уменьшился с 13 до 5 тыс. экземпляров [12, с. 80].

Об отрицании украинизации населением Азово-Черноморья свидетельствуют и материалы специальных обследований, проводившихся сотрудниками Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ). В частности, такое обследование было проведено в конце 1931 г. в Кашарском районе Северо-Кавказского края. Сотрудники РКИ утверждали, что школы района были в достаточной мере обеспечены литературой на украинском языке [13, л. 12, 17], но это являлось едва ли не единственным достижением. В остальном украинизация продвигалась черепашьями темпами. Местная администрация противилась переводу делопроизводства на украинский язык, даже несмотря на то что многие ее представители на нем говорили (точнее, говорили они на «балачке»), но сотрудники РКИ, очевидно,

в такие нюансы не вникали). Так, в Марьевском сельсовете Кашарского района владели украинским языком не только 75 % жителей, но и оба работника сельсовета, все шесть представителей колхозной администрации, один из двух работников сельского потребительского общества (сельпо). Несмотря на это, делопроизводство велось на русском языке; лишь переписка с районной администрацией шла на украинском, да и то нерегулярно [13, л. 12]. Кружки по изучению украинского языка в сельсоветах Кашарского района обычно охватывали незначительное число слушателей (до 10–20 человек) и быстро распадались вследствие слабой посещаемости. Редакция районной газеты уклонялась от популяризации украинского языка [13, л. 12, 12 об., 16 об.].

Надо сказать, что отрицательное отношение большинства жителей Азово-Черноморья к украинизации не обескураживало партийно-советских чиновников краевого уровня, не говоря уже о республиканском или общесоюзном. Исследователи не случайно характеризуют украинизацию как «насиленно-бюрократическую», «принудительную», «административно-принудительную», «агрессивную» [14, с. 81, 109] политическую кампанию. При осуществлении данной кампании большевики не считались с мнением населения, исходя из присущей им мессианской уверенности в собственной правоте.

Характерной является позиция работников Народного комиссариата просвещения РСФСР, не признававших «довода, что местному населению следует предоставить право самому выбирать язык преподавания в школах» [10, с. 392]. Не менее характерны решения созданной в Северо-Кавказском крае «Комиссии исполнения» решений об украинизации. В феврале 1932 г. комиссия приняла обширное постановление о ходе украинизации, где признавалось, что в большинстве районов края реализация этой политики проходит неудовлетворительно вследствие ее «оппортунистической недооценки» районными властями, которые не дают «решительный отпор как великодержавно-шовинистическим тенденциям кулацкой части населения, так и сопротивлению некоторой части работников аппаратов районных и сельских учреждений» [11, л. 36]. В переводе с партийно-бюрократического сленга это означало, что важнейшим препятствием украинизации комиссия считала именно отторжение таковой населением и чиновниками низового звена. Но недовольство населения украинизацией никак не повлияло на решимость начальства осуществлять эту кампанию. «Комиссия исполнения» предупреждала районное руководство об ответственности за невыполнение планов украинизации, планировала усилить разъяснительную работу с населением, решительнее бороться с уклоняющимися от «обучения украинскому языку» и пр. [11, л. 36–37]. Решения комиссии свидетельствовали, что протесты населения большевиков не остановят и украинизация будет продолжаться командно-административными методами.

Не возмущение жителей Азово-Черноморья насильственной украинизацией стало ведущей причиной того, что данная политика была прекращена в конце 1932 г. К этому привели обстоятельства иного рода. Первым из них являлось намерение лидеров компартии Украины использовать украинизацию для присоединения к Украинской ССР тех территорий РСФСР, где существовали соответствующие национальные общины [10, с. 388–389]. Вторым – стремление эмигрантов и зарубежных политиков представить украинизацию как вынужденную уступку союзного центра и использовать украинский национализм для ослабления СССР [4, с. 967]. Постепенно союзное руководство и лично И.В. Сталин все меньше сомневались в существовании указанных намерений и расчетов и все более разочаровывались в украинизации, которая из средства укрепления советской власти превращалась в источник межэтнической напряженности и внешнеполитических проблем.

В начале 1930-х гг. недовольство союзного руководства украинизацией переросло в негодование. Это случилось в связи со сплошной коллективизацией и хлебозаготовительной кампанией 1932 г. Выступая как сильнейший социальный раздражитель, коллективизация провоцировала крестьянское сопротивление. При этом в республиках СССР и в национальных районах РСФСР сопротивление коллективизации нередко приобретало окраску национализма и сепаратизма, когда представители тех или иных национальностей трактовали происходящее как их угнетение Россией и заявляли о стремлении к независимости. Подобные настроения проявились в Азово-Черноморье во второй половине неурожайного 1932 г. в связи с тем, что выполнение хлебозаготовительных планов колхозами и единоличниками проходило с большим трудом и заставило представителей власти применять чрезвычайно жесткие меры, вплоть до расстрельных приговоров в отношении расхитителей хлеба и провинившихся местных чиновников. В ответ в Северо-Кавказском крае ширилась антисоветская агитация и множились призывы к сепаратизму. Причем подобные явления были особенно характерны для районов украинизации, прежде всего – на Кубани.

Руководящие работники Северо-Кавказского края и Полномочный представитель ОГПУ в крае Е.Г. Евдокимов утверждали, что «под флагом украинизации [на Кубани] проводилась самая отъявленная контрреволюционная работа» [15, л. 14]. Возглавлялась эта работа тайными антисоветскими организациями: «Союзом вызволения Украины» и «Союзом Кубани и Украины». Во главе последнего находились профессора Украинского НИИ в Краснодаре, поддерживавшие связь с педтехникумом в станице Полтавской, где также окопались антисоветски настроенные националисты-украинизаторы [15, л. 14].

Непосредственно подрывной деятельностью занимались рядовые проводники украинизации – учителя, лекторы, руководители кружков по изучению украинского языка и культуры. По мнению чекистов, эти люди использовали «украинизацию, шовинистические и националистические настроения для организации саботажа, контрреволюции», создания «антагонизма между русскими и украинцами» [16, л. 9, 10], проведения террористических актов и организации вооруженных выступлений. Арестованный ОГПУ заведующий педагогическим техникумом в станице Полтавской Ермаков свидетельствовал на допросе, что при техникуме

создавались различные кружки «под официальными вывесками» (например, «украинский хоровой кружок»), но занимались они подготовкой из молодежи антисоветских активистов. Сотрудники ОГПУ Северо-Кавказского края докладывали, что ими был ликвидирован «ряд учительских украинско-шовинистических организаций», в большинстве своем являвшимися «повстанческо-террористическими». Они не только «вели довольно широкую работу по обработке нашего молодняка, исходя из установки готовить молодые кадры для будущей борьбы, воспитывая их в буржуазно-шовинистическом духе, в духе самостийничества», но и готовились к совершению терактов как Азово-Черноморье, так и в Москве [15, л. 13–14].

В конечном счете проводники украинизации в Азово-Черноморье намеревались присоединить Кубань к Украине: «Кубань, являясь фактическим продолжением Украины, должна в будущем явиться составной частью Великой Украины от Карпат до гор Кавказа» [15, л. 14], частью «националистического буржуазно-демократического государства “Единой Соборной Украины”» [16, л. 10]. В этом они надеялись на помощь капиталистического зарубежья и эмигрантов. Чекисты заявляли о наличии контактов украинизаторов с эмигрировавшим за границу атаманом станицы Полтавской Омельченко. Якобы Омельченко направил на Украину и на Кубань группу своих эмиссаров, «казацких офицеров». Кубанские же украинизаторы должны были готовить из местных казаков вооруженные отряды «для внутреннего переворота в момент интервенции» [15, л. 6, 15].

Безусловно, к изложенным выше утверждениям северокавказских чекистов следует относиться с большой осторожностью. Изучение деятельности ОГПУ-НКВД в 1930-х гг. позволяет уверенно говорить о том, что сотрудники данных органов склонны были сгущать краски, преувеличивать угрозу контрреволюции в СССР, искать причины многочисленных упущений в работе, аварий и т. п. не в низкой квалификации или халатности работников, а в целенаправленном вредительстве. Полагаем, что ОГПУ преувеличивало и степень антисоветской активности украинизаторов.

Вместе с тем нет оснований полностью отрицать выводы сотрудников ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. Очевиден факт наличия среди украинофилов и украинизаторов Азово-Черноморья некоторого количества сторонников самостийности и воссоединения с Украиной. Источники дают основания для утверждений, что «к 1932 г. политика украинизации уже привела к росту среди украинцев шовинизма, который зачастую проявлялся в виде оголтелой русофобии и антисемитизма» [14, с. 188]. Не может быть оспорено стремление украинофильских националистов-антисоветчиков к установлению контактов с эмигрантами и заграничьем. Источники подтверждают и заинтересованность заграничных правительств и разведок в налаживании контактов с «пятой колонной» в СССР на случай интервенции стран Запада против Советского Союза.

14 декабря 1932 г. Центральный комитет коммунистической партии принял постановление «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Этот документ поставил точку в истории украинизации в РСФСР, охарактеризовав данную политику как одну из причин кризиса хлебозаготовок 1932 г. В постановлении указывалось, что «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения, не большевистская «украинизация» почти половины районов Северного Кавказа... дала легальную форму врагам Советской власти для организации сопротивления мероприятиям и заданиям Советской власти со стороны кулаков, офицерства, реэмигрантов-казаков, участников Кубанской Рады и т. д.» [17, с. 576–577]. Столь тяжкое обвинение не оставляло украинизации никаких шансов. Согласно постановлению, на Украине украинизацию следовало продолжать, но лишь при условии контроля компартии за ее проведением. В Северо-Кавказском крае украинизация прекращалась, ее результаты устранялись: были даны распоряжения об обратном переводе делопроизводства и преподавания в школах с украинского на русский язык, о русификации ранее украинизированных СМИ и т. п. [17, с. 577]. Все эти мероприятия были проведены в Северо-Кавказском крае в кратчайшие сроки. Одновременно в крае продолжались развернутые еще до декабрьского постановления 1932 г. репрессии против активистов украинизации [18, с. 81].

Обсуждение и заключение. Констатируем, что украинизация в Азово-Черноморье представляла собой разновидность политики коренизации (национал-коммунизма), развернутой в СССР с 1923 г. Задачи данной политической кампании на Юге России заключались в развитии украинского языка и культуры и замене сословной идентичности кубанского казачества украинской идентичностью, а её целью являлось расширение социальной базы большевиков в регионе.

Украинизация в Азово-Черноморье имела некоторое количество активных сторонников из числа местных интеллигентов-украинофилов и опиралась на группы сочувствующих, представленные рядовыми хлеборобами, в том числе казаками. Подавляющее же большинство местного населения, не исключая и выходцев с Украины, относились к украинизации отрицательно, поскольку процесс их ассимиляции в полиэтническом сообществе Азово-Черноморья с доминированием русского языка и русской культуры зашел достаточно далеко и в восстановлении своей украинской идентичности они не нуждались.

Протесты населения не способны были остановить украинизацию, ибо таковая представляла собой политическую кампанию, инициированную сверху и проводившуюся командно-административными методами. Критическим для украинизации стал тот факт, что она была использована противниками большевиков для раздувания национализма, шовинизма и сепаратистских настроений. В условиях обострения социально-политической обстановки в СССР в ходе проведения сплошной коллективизации, деструктивный потенциал украинизации в Северо-Кавказском крае стал очевиден для союзного центра. И.В. Сталин и другие лидеры компартии осознали, что национал-коммунизм вышел из-под их контроля, что первая составляющая данной

политики возобладала над второй и угрожает стабильности как СССР в целом, так и Азово-Черноморья – в частности. Поэтому в конце 1932 г. украинизация была прекращена, а ее результаты ликвидированы. Тем самым была устранена опасность межнациональных конфликтов и исчезли препятствия формированию южнорусской общности в ареале Азово-Черноморья. Полагаем, что в настоящее время печальный опыт волонтаристской украинизации будет как нельзя более актуальным в новых регионах Российской Федерации, процветание которых напрямую зависит от достижения межнациональной гармонии.

Список литературы

1. Баранов А.В. Украинизация в Северо-Кавказском крае РСФСР (1923 – 1932 гг.): замыслы, реакция сообщества, результаты. *Наследие веков*. 2021;20(3):31–42. <https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002>
2. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. Москва: РОССПЭН; 2001. 277 с.
3. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: КубГУ; 1999. 345 с.
4. Хлынина Т.П., Васильев И.Ю. Украинизация: между большой политикой и текущими задачами советского строительства. *European researcher*. 2011;9(6):963–970.
5. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Предисловие А.И. Гозулова. Ростов-на-Дону; 1928. 99 с.
6. Аверьянов А.В. Советская политика национального строительства в казачьей среде Юга России в 1920-е гг.: некоторые аспекты. *Казачество на службе Отечеству*. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 28 ноября 2022 г. Отв. ред. Д.В. Сень, М.Е. Шалак. Ростов-на-Дону; Таганрог: ЮФУ; 2022. С. 15–21.
7. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. Москва: Европа; 2006. 256с.
8. Терещенко А.Г. Украинизация в Северо-Кавказском крае. *Донской временник*. Ростов-на-Дону; 1999. С. 64–67.
9. Список населенных мест Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону; 1925. 642 с.
10. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». *Нации и национализм в СССР, 1923–1939*. Москва: РОССПЭН; 2011. 855 с.
11. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. р-1185. Оп. 3. Д. 548.
12. Иванцов И.Г. Мова в районном масштабе. Украинизация Кубани 1922–1932 годов. *Родина*. 2008;9:77–80.
13. Центр хранения архивных документов (ЦХАД) г. Шахты Ростовской области. Ф. р-754. Оп. 1. Д. 242.
14. Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века). Москва: ИП Бурина А.В. («Традиция»); 2014. 336 с.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1298.
16. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933. Отв. ред. И. Зеленин. Москва: РОССПЭН; 2001. 1 007 с.
18. История Кубани. XX век. Очерки. Под общ. ред. В.Е. Щетнева. Краснодар: Перспективы образования; 1998. 224 с.

References

1. Baranov A.V. Ukrainizatsiya v Severo-Kavkazskom kraye RSFSR (1923 – 1932 gg.): zamysly, reaktsiya soobshchestva, rezultaty = Ukrainization in the North Caucasus region of the RSFSR (1923 – 1932): plans, community reaction, results. *Naslediye vekov*. 2021;20(3):31–42. <https://doi.org/10.36343/SB.2021.27.3.002> (In Russ.).
2. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-ye gody. Vzglyad v neizvestnoye = Demographic history of Russia in the 1930s. A look into the unknown. Moscow: ROSSPEN; 2001. 277 p. (In Russ.).
3. Baranov A.V. Mnogoukladnoye obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki = Multistructured society of the North Caucasus under the conditions of the new economic policy. Krasnodar: KubGU; 1999. 345 p. (In Russ.).
4. Khlynina T.P., Vasiliev I.Yu. Ukrainizatsiya: mezhdubolsшой politikoy i tekushchimi zadachami sovetskogo stroitelstva= Ukrainization: between big politics and the current tasks of Soviet construction. *European researcher*. 2011;9(6):963–970 (In Russ.).
5. Kazachestvo Severo-Kavkazskogo kraya. Itogi perepisi naseleniya 1926 g. = Cossacks of the North Caucasus region. Results of the 1926 population census. Preface by A.I. Gozulova. Rostov-on-Don; 1928. 99 p. (In Russ.).
6. Averyanov A.V. Sovetskaya politika natsional'nogo stroitel'stva v kazach'yey srede Yuga Rossii v 1920-ye gg.: nekotoryye aspekty. *Kazachestvo na sluzhbe Otechestvu* = Soviet policy of national construction in the Cossack environment of the South of Russia in the 1920s: some aspects. *Cossacks in the service of the Fatherland*. Materials of the International scientific-practical conference. Rostov-on-Don, SFU, November 28, 2022. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU; 2022. pp. 15–21 (In Russ.).
7. Borisonok E.Yu. Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-ye gody = The phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s. Moscow: Europe; 2006. 256 p. (In Russ.).
8. Tereshchenko A.G. Ukrainizatsiya v Severo-Kavkazskom kraye = Ukrainization in the North Caucasus region. *Donskoy vremennik*. Rostov-on-Don; 1999. pp. 64–67 (In Russ.).

9. *Spisok naselennykh mest Severo-Kavkazskogo kraia* = *List of populated places in the North Caucasus region*. Rostov-on-Don; 1925. 642 p. (In Russ.).
10. Martin T. Imperiya “polozhitelnoy deyatelnosti”. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* = *The Empire of “Affirmative Action”. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN; 2011. 855 p. (In Russ.).
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO)* = *State Archives of the Rostov Region (GARO)*. F. r-1185. Op. 3. D. 548 (In Russ.).
12. Ivantsov I.G. Mova v rayonnom masshtabe. *Ukrainizatsiya Kubani 1922–1932 godov* = *Language on a regional scale. Ukrainization of Kuban 1922–1932*. *Rodina*. 2008;9:77–80 (In Russ.).
13. *Tsentralnoye khraneniye arkhivnykh dokumentov (TSKHAD) g. Shakhty Rostovskoy oblasti* = *Center for the storage of archival documents (TSKhAD) in Shakhty, Rostov region*. F. r-754. Op. 1. D. 242 (In Russ.).
14. Vasiliev I.Yu. *Ukrainskiy natsionalizm, ukrainizatsiya i ukrainskoye kul'turnoye dvizheniye na Kubani (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* = *Ukrainian nationalism, Ukrainization and Ukrainian cultural movement in Kuban (second half of the 19th – beginning of the 21st century)*. Moscow: IP Burina A.V. (“Traditsiya”); 2014. 336 p. (In Russ.).
15. *Tsentralnoye dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TSDNIRO)* = *Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (CDNIRO)*. F. 7. Op. 1. D. 1298 (In Russ.).
16. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Stavropol'skogo kraia (GANISK)* = *State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory (GANISK)*. F. 1. Op. 1. D. 3. (In Russ.).
17. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye: Dokumenty i materialy v 5-ti tomakh. 1927–1939* = *The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession: Documents and materials in 5 volumes. 1927–1939*. V. 3. Moskva: ROSSPEN; 2001. 1007 p. (In Russ.).
18. *Istoriya Kubani. XX vek. Ocherki.* = *History of Kuban. 20th century. Essays*. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya; 1998. 224 p. (In Russ.).

Об авторах:

Шишова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и культурологии, Донской государственный технический университет (РФ, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [ScopusID](#), nshishova@donstu.ru

Бондарев Виталий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет (РФ, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [ScopusID](#), vitalij-bondarev27@rambler.ru

Усенко Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Донской государственный технический университет (РФ, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), alleksandr@bk.ru

Поступила в редакцию 12.01.2024

Поступила после рецензирования 31.01.2024

Принята к публикации 31.01.2024

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Shihova Natalya Vasilevna, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Cultural Studies of the Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), [ORCID](#), [ScopusID](#), nshishova@donstu.ru

Bondarev Vitaly Alexandrovich, D. Sc. (History), Associate Professor, Professor of Department of History and Cultural Studies of the Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), [ORCID](#), [ScopusID](#), vitalij-bondarev27@rambler.ru

Usenko Aleksandr Nikolaevich, Cand. Sci. (History), Associate Professor; Department of History and Cultural Studies of the Don State Technical University (1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, RF), [ORCID](#), alleksandr@bk.ru

Received 12.01.2024

Received 31.01.2024

Accepted 31.01.2024

Conflict of interest statement

The authors do not have any conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.